

ЮРИЙ ГАЛЕНОВИЧ

Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и «Холодная война»

Почти четверть века тому назад завершилась «холодная война». Этим термином принято обозначать состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, в рамках которой осуществлялась гонка вооружений, применялись экономические меры давления (эмбарго, экономическая блокада и т. п.), создавались военно-политические блоки и союзы, военно-стратегические плацдармы и базы. «Холодная война» началась вскоре после Второй мировой, а прекращена была во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, главным образом в связи с исчезновением с политической карты мира Советского Союза. Все предшествующие десятилетия в состоянии «холодной войны» находились в первую очередь СССР и США. Сегодня есть возможность заново, освободившись от власти эмоций, попытаться осмыслить события, уже ставшие достоянием истории.

Мировая война: как это воспринимается в Китае

Одним из значимых сюжетов этой истории остается позиция Китая времен «холодной войны». И начать следует с характеристики особенностей восприятия категорий войны и мира

в этой стране. Как известно, китайцы составляют самую многочисленную часть населения Земли, а потому не удивительно, что ощущение своей принадлежности к столь многочисленной национальной общности определяет и китайские оценки многих важных вопросов. Так, например, в китаеязычных СМИ, ориентированных на диаспору за пределами страны, подчеркивается, что китайцы никогда и нигде не будут национальным меньшинством.

С одной стороны, это игра на чувстве превосходства, а с другой — акцентирование значимости родства по крови. Думается, в свое время генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР и председатель военного совета ЦК КПК Цзян Цзэминь не случайно говорил, что кровь китайцев гуще, чем вода в Тайваньском проливе. А в своем нынешнем Уставе КПК, в частности, именуется «авангардом нации Китая»; таким образом, понятия «кровь» и «нация» оказываются, по существу, нераздельными. Уже сама численность китайского народа является гарантией его вечного существования на Земле, вне зависимости от каких бы то ни было катаклизмов или войн. Считается, что для китайцев как сообщества не существует вопроса о выживании — оно обеспечено ему навечно.

ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович — главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор, доктор исторических наук.

Следует учесть и тот факт, что в Китае в XX веке войны никогда не затрагивали всего населения страны. Так, например, в канун начала войны 1941 года военный атташе посольства СССР в Чунцине, будущий герой Сталинграда (и будущий маршал) генерал-лейтенант В. И. Чуйков спросил у главы Китайской Республики маршала Чан Кайши, почему Китай так долго воюет с Японией. С точки зрения наших военных очевидно, что любая война смертельно опасна для народа и страны, и воевать надо не на жизнь, а на смерть, стремясь как можно скорее победить врага и вновь обрести вожделенный мир. Однако Чан Кайши, руководивший страной, которая к тому времени уже десять лет подвергалась агрессии со стороны Японии и не нанесла ни одного сокрушительного поражения японским агрессорам, думал иначе: «Япония не может победить Китай! ...Китай вообще не может быть побежден. Война для Китая — это болезнь, и только, а все болезни проходят». «Но болезни вызывают смерть», — сказал Чуйков. «Мы не считаем, что болезни вызывают смерть. Смерть — это не болезнь; она приходит помимо болезни»¹.

Отсюда понятно, почему Чан Кайши считал войну с Японией не более, чем «сыпью на теле» Китая. В то же время действия КПК и Мао Цзэдуна были, с точки зрения китайского лидера, «болезнью, которая поражала сердце» страны. В силу таких представлений борьба за власть оказывалась для Чан Кайши, да и для Мао Цзэдуна, важнее отпора внешней агрессии со стороны Японии.

Если говорить о числе людей, погибших в войнах, то в современных китайских СМИ можно обнаружить сведения, что за четырнадцать лет Тайпинского восстания (1850—1864) население страны уменьшилось с 400 до 240 миллионов человек (то есть вспыхнувшая тогда война унесла

160 миллионов человек!). Полагаю, что утверждения такого рода не случайно появляются именно сегодня. У современных китайцев создается представление, что хотя в прошлом и погибали десятки миллионов, однако нация Китая продолжала (и продолжает!) существовать.

Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, Чжао Цзыян, занимавший пост генерального секретаря ЦК КПК в 1987—1989 годах, считал, что за последние сто пятьдесят лет только одно десятилетие, 1980-е годы, было по-настоящему мирным для Китая и его народа, в чем и состоит подлинная ценность означенного периода. Позитивные оценки мирного состояния страны во второй половине XX века высказывали также председатель КНР Лю Шаоци, а также генеральные секретари ЦК КПК Ху Яобан и Чжао Цзыян. Кстати, все они выступали и за дружественные, мирные отношения с нашим народом и нашей страной.

От добрососедства к конфликтам

С учетом сказанного, вернемся к разговору о временах «холодной войны». Применительно к Китаю этот период охватывал 1950—1980-е годы и касался отношений страны с Россией (СССР) и США, которые выстраивались в рамках политического курса Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина.

Для Китая Вторая мировая война продолжалась четырнадцать лет (1931—1945). Казалось бы, народ устал и больше не хотел войны, тем более что год спустя после окончания Второй мировой в Китае началась внутренняя война, продолжавшаяся свыше трех лет (1946—1949). Она длилась бы еще дольше, если бы не помощь Москвы. Стоит напомнить, что первоначально Мао Цзэдун намеревался объявить о создании Китайской Народной Республики 1 января 1950 года, о чем был извещен И. В. Сталин.

¹ См. «По дорогам Китая, 1937—1945. Воспоминания». М., 1989. С. 261—262.

Эта отсрочка объяснялась трудностями переброски войск в еще не занятый коммунистами район Синьцзяна. В ответ СССР предоставил свою военно-транспортную авиацию, и вопрос был решен в считанные месяцы.

Так закончился конфликт, начатый в 1946 году наступлением вооруженных сил Компартии Китая (КПК) с территории Маньчжурии; коммунисты значительно усилились после передачи им советскими товарищами вооружения, оставшегося после разгрома японской Квантунской армии. Кроме того, надежным тылом КПК стала территория СССР. Такова роль нашей страны в деле прихода к власти Мао Цзэдуна и КПК, не говоря уже о нашей помощи этой партии в 1920—1930-х и первой половине 1940-х годов.

На рубеже 1949—1950 годов Мао Цзэдун впервые побывал в Москве. В ходе переговоров со Сталиным он, в частности, предлагал, чтобы советские ВВС помогли ему овладеть Тайванем. Это предложение было отклонено: наша сторона не желала создавать повод для военного столкновения с Америкой, что полностью соответствовало общему внешнеполитическому курсу Советского Союза, исключавшему военное столкновение с США. Мао Цзэдун пришел к той же мысли только после потерь, понесенных в ходе Корейской войны (1950—1953). Показательно, однако, что, когда в 1950-м китайский лидер попросил, чтобы наша авиация прикрывала небо над Шанхаем от налетов с Тайваня, он получил положительный ответ. Иными словами, добрая воля СССР не вызывала сомнений.

Еще более последовательно эта же добрая воля проявилась в годы Корейской войны. В 1950 году руководитель КНДР Ким Ир Сен считал, что располагает возможностями установить власть над всем Корейским полуостровом. Когда это ему не удалось и он начал терпеть поражения от войск ООН, сформированных главным образом

из американцев, Мао Цзэдун направил воевать в Корею части добровольцев из Китая. Китайская сторона запросила у СССР вооружение для 40 дивизий и получила от нас все, в чем нуждалась. Подчеркнем, что решение о войне в Корею и участии в ней «добровольцев народа Китая» принимались самостоятельно Ким Ир Сенем и Мао Цзэдуном. Никакого давления с нашей стороны ни на того, ни на другого не оказывалось. А вот небо над Северной Кореей и Северо-Восточным Китаем снова прикрывали наши летчики. В то же время и в данном случае наша сторона избегала прямого военного столкновения с американцами.

Несмотря на неоднозначность итогов Корейской войны, Пекин (во всяком случае на словах) вовсе не торопился отказываться от наступательной стратегии. В 1954 году в беседе с Н. С. Хрущевым Мао Цзэдун высказался о желательности включения Монголии в состав Китая. Он также предлагал нашей стороне передать ему секреты производства атомной бомбы. По сути дела, это были требования не только не идеологического, но даже не межгосударственного характера. Речь шла о вечных взаимоотношениях между нациями, то есть о судьбе и выживании монголов как нации и об оружии, способном смести любую нацию с лица Земли.

Тем не менее у советского руководства были иные планы. В 1956 году Хрущев заявил, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует. С этого момента взгляды на войну в нашей стране и у Мао Цзэдуна разошлись окончательно. Год спустя на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Мао Цзэдун говорил о том, что не следует бояться ядерной войны; пусть в такой войне погибнут 300 миллионов китайцев, то есть половина населения страны, зато империализм будет уничтожен. Так же легковесно он расценивал человеческие жертвы в других странах, в том числе и тех, кото-

рые в результате ядерной войны могли полностью исчезнуть с лица Земли.

В 1957 году Хрущев все-таки согласился передать Мао Цзэдуну технологию производства атомного оружия. Вероятно, свою роль сыграла мысль, что рано или поздно Китай все равно будет обладать этим оружием, поэтому предпочтительнее выполнить просьбу китайской стороны. Однако уже в следующем, 1958 году Мао Цзэдун обвинил СССР в намерении установить господство над Китаем и заговорил с нами как с военным противником.

Тогда же усилиями китайского лидера в мире распространялась информация о том, что наша страна поддерживает артобстрел его солдатами островов, на которых обосновались гоминьдановцы. Тут же в кулуарах подчеркивалось, что сам Мао Цзэдун воевать не собирается, но подает американцам сигнал, согласно которому неизменность ситуации на Тайване устраивает континентальный Китай. Мао Цзэдун явно придерживался мысли, что лучше не освобождать Тайвань, чем вступать в войну не только с Гоминьданом, но и с Америкой. Очевидно, что такие шаги следует рассматривать в общем контексте постепенной смены политического курса, направленного отныне на сближение с Вашингтоном.

В том же ключе становятся понятными и другие внешнеполитические акции Пекина, предпринятые в 1950—1960-х годах, в том числе и военные провокации против соседних стран. На рубеже первого и второго десятилетий XXI века в Китае была выпущена серия из трех телевизионных фильмов под общим названием «Войны Нового Китая», предназначенная для широкого распространения среди собственных граждан. Авторы вводят в оборот понятия «китайско-индийская война», «китайско-советская война» и «китайско-вьетнамская война». Все три войны представлены как войны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, развязывание которых полностью оправдыва-

ется, несмотря на отсутствие военных угроз со стороны соседей. В каждом из трех конфликтов Мао Цзэдун и Дэн Сяопин имели возможность в любой момент начать и прекратить военные действия, что они и делали тогда, когда считали это выгодным или необходимым. То были своего рода войны-предупреждения, войны-сигналы, закладывавшие мины вражды и недоверия на будущее. Они предназначались для осуществления стратегии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, рассчитанной на десятилетия и столетия вперед.

Войны настраивали китайцев на враждебные отношения к тем народам, которые в ходе военных действий были объявлены противниками КНР. Как в Индии и Вьетнаме, так и в нашей стране люди не забудут об этих войнах до тех пор, пока китайские политики не станут проводить иную политику и не убедят народы за пределами Китая, что этой политике можно доверять. Утверждения современной пропаганды КПК—КНР о правоте политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в этих войнах не звучат убедительно для граждан Индии, Вьетнама и России.

В конечном итоге вся предыстория создания и существования КНР в свете современной постановки этого вопроса в Китае представляется как цепь непрерывных войн или военных действий:

1948—1949 годы — внутренняя война,

1950—1953 годы — война в Корее,

1959 год — война с Индией,

1969 год — война с нашей страной,

1979 год — война с Вьетнамом.

Первая из «Войн Нового Китая», то есть «китайско-индийская война», началась в 1959 году. В результате нее Мао Цзэдун поставил исторические отношения с Индией, второй по численности нацией на Земле, в зависимость от нерешенного вопроса о границе и ее прохождении. На деле это понадобилось для того, чтобы уведомить США, Индию и другие страны, что Мао Цзэдун и его последователи намерены

не допускать обсуждения с тибетцами вопроса об их автономии. Таково было еще одно условие Мао Цзэдуна для нормализации отношений с США.

В связи с «китайско-индийской войной» Мао Цзэдун обвинил нашу страну в том, что в ходе нее Советский Союз не действовал как союзник Китая. Есть все основания полагать, что и военные действия в 1958 году против островов, находившихся под контролем гоминьдановцев, и «китайско-индийская война» мотивировались стремлением Мао Цзэдуна продемонстрировать США, что он никоим образом не считает себя находящимся в союзнических отношениях с Советским Союзом. То были шаги к новому состоянию отношений и с нами, и с Америкой.

В 1959 году враждебное отношение Мао Цзэдуна к нашему народу и нашей стране заставило советскую сторону официально объявить о том, что в Китай не будет поставлена комплексная технология производства атомной бомбы. На практике, однако, это не меняло ситуации, поскольку Мао Цзэдун уже получил от нас атомное оружие. Таким образом, Советский Союз не изменил курсу, который проводил все 1950-е годы, когда он совершенно искренне выступал в качестве друга и союзника Китая, бескорыстно помогая ему всем, чем было возможно.

Со своей стороны, Мао Цзэдун рассматривал тот же период как переходный этап к противопоставлению наших народов и государств, правивших в них политических партий. Китайский лидер лелеял мысль об особом предназначении самой многочисленной нации на Земле, которой надлежало занять главенствующее положение в мире. То, что именовалось в Китае «марксизмом», «социализмом», «коммунизмом», было, с точки зрения Мао Цзэдуна, лишь методами, приемами, с помощью которых следовало сначала добиться власти в стране, а затем продвигаться к господству над прочими нациями. Следуя этим путем, Мао Цзэ-

дун исходил из того, что главным на определенном этапе стало добиться нормализации отношений с Америкой. Он полагал, что США пойдут на такую нормализацию, когда убедятся, что Мао Цзэдун заставил китайский народ считать Советский Союз и его народ военным противником Китая.

Китайские лидеры некогда именовали 1950-е годы «периодом сотрудничества и борьбы», а в начале XXI века последователи Мао провозглашают 1956—1960 годы временем «схватки». Иными словами, уже в середине 1950-х годов Мао Цзэдун начал проводить враждебный нашей стране политический курс. На практике демонстрируя эту враждебность, он ставил своей целью получить согласие Вашингтона на установление межгосударственных отношений Китая и Америки на основе заверений во взаимном ненападении и совместного осуждения СССР как якобы агрессивного государства.

Конец «дружбы навек»

В 1960 году Мао Цзэдун выслал из Китая наших специалистов, трудившихся над преодолением отсталости страны и созданием ее индустриальной базы. В КНР остались тогда только дипломатические сотрудники и работники ведомства внешней торговли. В конце того же года в СССР побывал председатель КНР Лю Шаоци. В Москве состоялся массовый митинг в Лужниках, на котором он заявил: «Сплочение — это сила! Сплочение — это победа!» Такое заявление означало, что в то время позиция руководства КПК еще не была монолитной, что в нем оставались люди (прежде всего сам Лю Шаоци), которые выступали за сплочение наших народов и стран, за развитие отношений на принципах дружбы, союза и взаимной помощи.

Однако год спустя Москва получила из Пекина сигнал совершенно иного рода. В тот день, когда Ю. А. Гагарин первым в истории человечества со-

вершил полет в космос, на массовом митинге в Пекине твердый сторонник курса Мао Цзэдуна министр иностранных дел КНР Чэнь И заявил: «Сегодня произошли два важных события. Во-первых, команда Китая стала чемпионом мира по настольному теннису. Во-вторых, имело место новое научно-техническое достижение СССР».

Еще через год более 60 тысяч человек были вынуждены бежать в нашу страну из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, что было естественным результатом экономической политики Мао Цзэдуна, в результате которой людям стало просто нечего есть. Одновременно это стало и следствием дискриминационной политики властей по отношению к национальным меньшинствам. Беженцы чувствовали, что могут вот-вот прерваться их традиционные связи с родственниками, которые проживали на территории нашей страны. Таким образом, Мао Цзэдун добился вытеснения из Китая и наших специалистов, и тех, у кого имелись родные в Советском Союзе. Все это полностью соответствовало курсу на противопоставление наших народов, на подготовку к войне против СССР.

В том же 1962 году произошел Карибский кризис. Мао Цзэдун использовал сложившуюся в мире ситуацию прежде всего для того, чтобы углубить враждебные чувства населения Китая к советским людям как «авантюристам» и «капитулянтам». Но у пекинских политиков была и другая цель — лишний раз продемонстрировать американцам осуждение Советского Союза, отсутствие у Китая союзных отношений с нашей страной. Через год между делегациями КПСС и КПК состоялись официальные переговоры. Мао Цзэдун поручил возглавить делегацию Дэн Сяопину. Тот использовал эту возможность с целью, дабы еще раз показать: ничто идейно не связывает Китай (КПК — КНР) и Россию (СССР — КПСС).

В 1964 году прошли официальные консультации представителей двух

стран в Пекине. С советской точки зрения это должен был быть обмен мнениями по пограничным вопросам. С точки зрения Мао Цзэдуна, границы, признанной обеими сторонами, еще не существовало, поэтому следовало провести переговоры об определении границы. В ходе переговоров СССР было предъявлено обвинение в захвате у Китая 1,5 миллиона квадратных километров земли. Мао Цзэдун требовал признать предыдущие договоры о границе неравноправными, настаивая, в частности, на передаче ему территории Тувы. В то же время китайская сторона выдвинула и рациональное предложение: определить прохождение линии границы на речных участках по главному фарватеру судоходной реки или по середине несудоходной реки. Есть основания думать, что данная позиция отражала мнение Лю Шаоци: не случайно в период «культурной революции» главу китайской делегации на этих переговорах Цзэн Юнцюаня обвиняли именно в том, что он действовал в интересах Лю Шаоци и нашей страны.

Совершенно неожиданно для Мао Цзэдуна Хрущев принял это предложение, несмотря на то, что такой шаг означал отход от положений договоров о границе. Фактически, стороны пришли к соглашению «Хрущев — Лю Шаоци». На основе такого соглашения в первой половине 1964 года была определена линия прохождения границы на карте. Однако воплотить идею на практике оказалось невозможным из-за того, что Мао Цзэдун требовал признания неравноправного характера договоров о границе.

Практически в то же время, в июле 1964 года, в беседе с японской делегацией китайский лидер публично заявил, что он, его приверженцы и последователи еще не предъявляли счетов по реестру земель, якобы захваченных Россией у Китая в разные исторические периоды, — от озера Байкал на западе до острова Сахалин

на востоке. Более того, в том же году, выступая на заседании руководства ЦК КПК, Мао Цзэдун впервые высказался за проведение курса на подготовку к войне с СССР: речь шла о превращении Китая в военный лагерь. Глава КПК говорил о том, что враг может захватить Пекин и Тяньцзинь, разделить Китай пополам, нанести удар с любой стороны². Фактически, он изменил всю предшествующую стратегию китайской компартии, объявив нашу страну единственным военным противником.

В конце 1964 года, после смещения Н. С. Хрущева, руководителем КПСС стал Л. И. Брежнев. Китайская делегация была приглашена в Москву. И сразу же выяснилось, что возглавивший ее Чжоу Эньлай прибыл по поручению Мао Цзэдуна только для того, чтобы предъявить ультиматум: КПСС должна отказаться от решений съездов партии, прошедших при Хрущеве. На следующий год в Пекине побывал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Он предложил прикрыть небо над Вьетнамом от налетов авиации США силами советских ВВС, которые базировались бы на аэродромах на территории Китая. Чжоу Эньлай отверг это предложение. В беседе с Мао Цзэдуном Косыгин был вынужден констатировать: «Вашей борьбы против империализма не видно».

К несчастью, в советском руководстве в то время еще не осознали тот факт, что Мао Цзэдун взял курс на подготовку к военным действиям против нас. Впрочем, для надежд на лучшее все еще были основания. В тот же период вновь назначенный посол СССР в КНР С. Г. Лапин встречался в то время с Лю Шаоци и Чжу Дэ, и это были дружественные встречи. В 1966 году, во время проводов из Пекина руково-

дителя Ганы К. Нкрумы, Лапин в беседе с Лю Шаоци передал исходившее от ЦК КПСС приглашение делегации КПК принять участие в XXIII съезде партии. Лю Шаоци согласился рассмотреть это предложение, однако Мао Цзэдун отверг его и настоял на разрыве отношений по партийной линии.

В том же году в Китае началась «культурная революция». Среди прочего она была нужна Мао Цзэду для «чистки тылов» от «национальных предателей». Пострадали все те, кто имел контакты с СССР и советскими людьми. В ходе этой кампании были, в частности, физически уничтожены председатель КНР Лю Шаоци и министр обороны Пэн Дэхуай. В 1967 году газета «Жэньминь жибао» напечатала статью, в которой заявлялось, что настанет день, когда красное знамя идей Мао Цзэдуна взвоет над московским Кремлем.

В 1969 году Мао Цзэдун открыл военные действия на границе с Советским Союзом. Его солдаты первыми произвели выстрелы по нашей территории. Было положено начало тому, что сегодня в Китае именуется второй «войной Нового Китая» и полностью оправдывается без всяких на то оснований: вина целиком возлагается на СССР. Вслед за этим по инициативе китайского руководства были организованы двухсторонние переговоры. Согласившись с предложением китайской стороны, наша делегация прибыла в Пекин. Между тем Мао Цзэдун продолжал выдвигать свои безумные обвинения в адрес СССР. Он договорился до того, что наша страна, дескать, специально направила делегацию в Пекин, дабы внезапным атомным ударом накрыть там все китайское руководство. Поэтому был отдан приказ рассредоточить руководителей КПК — КНР по разным районам Китая.

Тем временем шла активная работа по постепенному установлению контактов, повышению их уровня и сближению между Мао Цзэдуном и

² См. «Чжунго Гунчаньдан лиши. Да эр цзюань (1949—1978)» [«История Коммунистической партии Китая». Т. 2: 1949—1978]. Пекин, 2011. С. 715—716.

американцами. Посредниками в этом процессе выступали руководители Пакистана и Румынии. В конечном итоге в 1972 году состоялся визит президента США Р. Никсона в Пекин. Мао Цзэдун и глава американского государства заверили друг друга в том, что ни та, ни другая сторона не собираются оккупировать территорию партнера. В то же время они сошлись во мнении, что политика нашей страны якобы является «агрессивной».

В ходе беседы с Мао Цзэдуном, состоявшейся 21 февраля 1972 года, Никсон говорил: «Нам надо бы спросить себя, почему это Советский Союз на границе с вашей страной дислоцировал больше войск, чем на границе с Западной Европой? ...Вопрос здесь в том, перед лицом какого рода опасности вы находитесь: перед опасностью агрессии со стороны Америки или перед лицом опасности со стороны Советского Союза?» В ответ на это Мао Цзэдун заявил: «Вопрос об агрессии, исходящей со стороны США, или вопрос об агрессии, исходящей со стороны Китая, — это относительно мелкий вопрос. Можно также сказать, что это не крупный вопрос. Дело в том, что в настоящее время не существует вопроса о войне между нашими двумя государствами».

Никсон отреагировал на это следующим образом: «Я хотел бы также сказать, что, пристально всматриваясь в наши две крупные страны, Америку и Китай, мы знаем, что Китай вовсе не представляет собой угрозу территории США. Я думаю, что и вы тоже знаете, что США не посягают на территорию Китая. Мы знаем, что Китай не думает господствовать над Америкой. Мы верим, что и вы тоже понимаете, что Америка не думает господствовать над всем миром... Эти две великие страны не стремятся владычествовать над всем миром. И по той причине, что мы придерживаемся сходных позиций по двум этим вопросам, мы не угрожаем взаимно территориям друг друга».

В ходе беседы Мао Цзэдун, в частности, подчеркнул, что «у нас в стране тоже была реакционная группировка, которая выступала против наших с вами контактов. А в результате всем им пришлось сесть в самолет и бежать за границу»³. Мао Цзэдун явно имел в виду позицию министра обороны КНР маршала Линь Бяо, считавшего трудности в отношениях с СССР «ссорой в своей семье», тогда как к США он предлагал относиться как к оплоту мирового империализма, представляющему прямую угрозу для Китая. Мао Цзэдун, очевидно, имел также в виду отрицательное отношение высокопоставленного китайского военачальника к военным действиям со стороны Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на острове Даманском и попытку Линь Бяо покинуть Китай в 1971 году, закончившуюся крушением его самолета в Монголии.

В 1973—1974 годах Мао Цзэдун выступил с серией предложений о создании единого всемирного фронта для борьбы против нашей страны в составе Китая, США, Японии и Западной Европы. Азии, Африке и Латинской Америке китайский лидер предназначал роль компактного «тыла» такого фронта. Выступая в 1974 году по поручению Мао Цзэдуна в ООН, Дэн Сяопин назвал три великих революции в истории человечества: Американскую, Французскую и Китайскую. Революция в России упомянута не была. Думается, цель заключалась в том, чтобы лишний раз продемонстрировать американцам свое отношение к нашей стране.

В 1976 году Мао Цзэдун умер. Продолжая его курс, Дэн Сяопин попытался поставить на первое место во внешней политике Китая отношения с США. Возражая ему, на съезде КПК в 1982 году ее генеральный секретарь Ху Яобан заявил, что позиции Китая в

³ См. Ю. М. Галенович. Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай. М., 2010. С. 249—254.

отношениях с США будут более прочными, если сначала Китай укрепит отношения с СССР, Индией, Японией, государствами Западной Европы; однако большинство руководства поддержало Дэн Сяопина, и поворота во внешней политике тогда не произошло.

В 1979 году началась третья из «войн Нового Китая» — «китайско-вьетнамская война». Дэн Сяопин стремился доказывать США, что, как и Мао Цзэдун, выступает за военные действия, в данном случае продемонстрировав это на примере Социалистической Республики Вьетнам — союзника нашей страны. Продолжая курс Мао, китайский руководитель призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашей страны, включающий в себя Китай, Америку, Японию, мусульманские государства, страны Западной Европы. В том же году Дэн Сяопин добился того, что Всекитайское собрание народных представителей (парламент КНР) не продлило Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в 1950 году. До настоящего времени в Китае раздаются необоснованные утверждения о том, что Договор 1950 года якобы был «неравноправным».

В 1980-х годах первым по формальному рангу руководителем КПК стал Ху Яобан, а главой правительства — Чжао Цзяян. Оба они были настроены в пользу нормализации отношений с Советским Союзом. На похороны умершего в 1982 году Л. И. Брежнева была направлена китайская делегация во главе с министром иностранных дел Хуан Хуа. Ху Яобан дал ему инструкции начать

процесс нормализации отношений, не выдвигая предварительных условий. Однако, когда Хуан Хуа прибыл в Москву, его ждала телеграмма, в которой Дэн Сяопин приказывал обратное. Среди прочего там предлагалось выдвинуть требования сокращения численности советских вооруженных сил на границе с Китаем, выведения войск СССР из Монголии, а также оказания давления на Вьетнам, с тем чтобы тот принял китайские условия. В результате Дэн Сяопину удалось отсрочить нормализацию наших отношений до конца 1980-х годов.

Дэн Сяопин добился того, что Всекитайское собрание народных представителей (парламент КНР) не продлило Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в 1950 году. До настоящего времени в Китае раздаются необоснованные утверждения о том, что Договор 1950 года якобы был «неравноправным».

Показательно, однако, что ни во времена правления Мао Цзэдуна, ни при Дэн Сяопине в руководстве КПК не существовало монолитной поддержки их курса. Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзяян выступали за мирные, дружественные отношения с нами. Более того, в 1985 году Политбюро ЦК КПК практически согласилось с тем, о чем говорил Хрущев еще в 1956 году: фатальной неизбежности мировой войны не существует.

Лишь в 1989 году было наконец положено начало нормализации отношений между КПСС и КПК, СССР и КНР. Однако и тогда все еще ощущались остатки былой вражды. М. С. Гор-

бачев встретился в Пекине с Дэн Сяопином. Перед этой встречей, напутствуя сопровождающих его лиц, советский лидер предлагал им вести себя так, чтобы это понравилось китайской стороне, то есть с уважением относиться к старшим. Дэн Сяопин перед той же встречей сказал своим сопровождающим: «Не надо обнижаться с русскими».

Во время этой встречи Горбачев был более всего озабочен тем, чтобы не сорвался процесс нормализации отношений. Дэн Сяопин пространно изложил Горбачеву взгляды Мао Цзэдуна относительно якобы «захваченных» Россией у Китая территорий и того, что договоры о границе будто бы являются неравноправными, и т. д. При этом Дэн Сяопин сделал особый упор на том, что Россия, дескать, всегда неравноправно относилась к китайцам. Он также утверждал, что наша страна и наш народ представляют собой военную угрозу для Китая с севера. В ответ Горбачев ограничился замечанием, что у сторон по некоторым вопросам могут быть разные мнения. Нормализация состоялась.

Вместо заключения

Итак, неопровержимым историческим фактом является то, что в период «холодной войны», в 1950—1980-х годах, наша страна стремилась искренне помогать Китаю, проявляла готовность поддерживать нормальные дружественные отношения двух государств и народов. В то же время позиция КНР была неоднозначной. В руководстве страны и КПК шла борьба между политиками, придерживавшимися разных взглядов на перспективы связей Китая и СССР. В то время как Лю Шаоци на протяжении всей своей жизни оставался другом Советского Союза, Мао Цзэдун проводил враждебный нашему народу и нашей стране курс, не соответствовавший официально провозглашенному лозунгу «пролетарского

интернационализма» и, по существу, уже с начала 1950-х годов направленный на постепенную нормализацию отношений с США, в жертву которому приносились связи с вчерашним главным союзником и даже «братом».

Этот предательский курс нашел воплощение в распространявшемся средствами официальной пропаганды взгляде на СССР как на военного противника, за которым имеются исторические, в том числе территориальные, долги. Соответствующие идеи вдалбливались в сознание членов правящей в КНР коммунистической партии, воинов и командования НОАК, молодежи, широких слоев населения Китая. При этом Мао Цзэдун рассчитывал на то, что воспитание китайского народа в таком духе будет приносить ядовитые плоды еще и через десятки лет. В результате удалось добиться того, что у населения Китая полностью изменилось отношение к нашей стране. У сотен миллионов китайцев, подвергшихся пропаганде Мао Цзэдуна, было подорвано доверие к нам.

Дэн Сяопин продолжал эту политику, и за ним шло большинство китайского руководства. И только усилиями Ху Яобана, Чжао Цзяяна и их немногих сторонников с китайской стороны удалось добиться нормализации наших двусторонних отношений. К сожалению, этот реалистический подход не находит поддержки у нынешних руководителей КНР. Судя по опубликованной в 2011 году «Истории Коммунистической партии Китая», одобренной Ху Цзиньгао и Цзян Цзэмином, политический курс Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в отношении нашей страны оправдывается полностью и всецело. Именно поэтому столь сложно преодолеть негативные наслоения прошлого.

Уйти от последних, сохранив все то позитивное, чего также немало в наших двусторонних отношениях, — задача, которую предстоит решать в наши дни. ◆